

Рос. муз. газета. - 1997. - окт. (№ 10). - с. 5.

ОСОБАЯ ПОРОДА

...Много органистов довелось переслушать в зале Музея музыкальной культуры имени Глинки. Теперь я хожу только на концерты Алексея Паршина.

Зал у нас камерный, артист находится очень близко к публике. Общение возникает самое живое и непосредственное. Может, отчасти и поэтому концерты Паршина — всегда праздник. Маэстро сам выступает в роли ведущего: рассказывает о композиторах и исполняемых произведениях, когда серьезно, когда с юмором. Иногда тактично напоминает нам, что мы, конечно, все это знаем. Безусловно, есть здесь доля артистического кокетства, но мы-то польщены! Ох, любит публика, чтобы ее баловали.

Исполнение Паршина поражает страстной сдержанностью, интеллигентностью, логикой и присущей лишь подлинному мастеру обманчивой легкостью. Иногда он, лидер по своей сути, выступает с другими музыкантами в качестве аккомпаниатора. Никогда не "тянет одеяло на себя", наоборот — "стелет" партнерам. В этом весь Алексей Алексеевич — щедрый русский музыкант.

Паршин — в постоянном, очень напряженном поиске. И судит себя так сурово, что по первости может показаться — рисуется. Нет. Он настолько прямодушен и открыт, что временами хочется предостеречь: этого не поймут, это повредит. И вредит. И отнюдь не всегда понимают. Ведь легче жить по правилам, помня, что язык дан для того, чтобы скрывать свои мысли...

Потрясающий музыкант, он еще и учитель милостью Божией. Про него говорят: "Динозавра может научить играть". Таких не видела, но в справедливость этих слов верю. Сам он всегда с благодарностью говорит о своих педагогах в России и во Франции, где когда-то единогласно был удостоен золотой медали Национальной консерватории. Главным же своим наставником и вдохновителем Паршин называет замечательного московского пианиста-педагога Илью Романовича Клячко, которому обязан и развитым вкусом, и культурой речи.

Может, поэтому ученики Паршина — особая порода. Их не спутаешь ни с кем. Все они для него родные. Носится он с ними, аж завидки берут. Но и требует, ругает ругательно. Забавно, но сейчас в органисты идут преимущественно девушки. Однако у Паршина — никаких институтов благородных девиц. Никаких

И запишит она (Бог мой!):

Приди в чертог ко мне златой!...

И обиды бывают, и даже слезы... Учитель всегда побеждает, ученики(цы) смотрят ему в рот, заглядывают в глаза и оттесняют после концертов назойливых поклонниц. Я их понимаю. Смелее, девушки! А он... Во время их выступлений переживает ужасно. Меряет ногами коридор — и не моги к нему подступиться. Не увидит, не услышит, никого для него нет, кроме его ребят...

По сути своей Алексей Александрович мягок, покладист. Образован, умен, проницателен. Но зачастую абсолютно нетерпим. Плюс чисто русское самоедство, проистекающее все от той же сверхтребовательности к себе, создающее проблемы в общении — при том, что он очень контактен, легко протягивает руку открытой ладонью вверх. Сотрудники музея это знают и всегда расцветают улыбками при его появлении. Он же держится как благодарный гость и не считает, что его концерты — честь для нас.

А с какой радостью встречает его детвора, когда он ведет концерты-лекции детского абонемента "От флейты Пана к органу"! Родители тоже приходят "приобщиться". Умеет Паршин перенести нас в давно прошедшее детство, когда рвешься первым ответить на вопрос любимого учителя. Он веселится вместе с публикой. И опять в зале царит атмосфера праздника.

Года два назад Микаэл Таривердиев, выступая на радио "Эхо Москвы", сказал: "Божий дар у человека, понимаете? Он живет музыкой. Он живет учениками. Со временем будут говорить: "Это была органная эпоха, когда играл сам Паршин".

Н. СЕВНИЦКАЯ.

